

*Посвящается моей жене Кристи,
которая чуть не десять лет доказывала мне,
что я прав.*

Глава 1

Кип, пригнувшись, пробирался в темноте к полю битвы. Опускался туман, гася звуки и рассеивая свет звезд. Хотя взрослые сторонились этого места и запрещали детям сюда ходить, он играл на открытом поле сотни раз, да еще и днем. Но сегодня вечером его намерения были куда серьезнее. Добравшись до вершины холма, Кип выпрямился и подтянул штаны. За его спиной шептала река — или, может, те солдаты под ее водами, что погибли здесь шестнадцать лет назад. Он расправил плечи, гоня прочь воображение. Из-за тумана он слово завис в безвременье. Солнце вставало, хотя пока ничто об этом не говорило. Когда рассветет, ему надо будет оказаться на дальнем краю поля. Так далеко он еще никогда не заходил.

Даже Рамир не сунулся бы сюда ночью. Все знали, что Расколота Скала — место гиблое. Но Раму не надо было кормить семью, его мать не спускала свой заработок на дурь.

Крепко сжимая свой маленький поясной ножик, Кип зашагал вперед. Не только неуспокоенные мертвецы могли утащить его в вечный мрак. В ночи видели стаю гигантских кабанов со страшными клыками и острыми копытами. Они хороши на вкус, если у тебя есть мушкет, железные нервы и меткость, но поскольку Война Призм вымела всех городских мужчин, осталось мало людей, готовых играть со смертью ради малой толики бекона. Ректон уже давно стал тенью себя прежнего. Алькадеса не жаждала, чтобы люди ее города рисковали жизнью. К тому же у Кипа не было мушкета.

Не только кабаны рыскали в ночи. Горный лев или золотой медведь тоже были бы не прочь закусить Кипом.

Низкий вой прорезал туман и тьму на поле в нескольких сотнях шагов от него. Кип застыл. Еще и волки. Как он мог забыть о волках?

Издали откликнулся другой волк. Жуткий звук, сущий глас пустоши. От такого не захочешь — оцепенеешь. Леденящая душу красота, от которой в штаны наложить можно.

Облизнув губы, Кип продолжал продвигаться вперед. У него было четкое ощущение, что за ним идут. Преследуют. Он оглянулся через плечо. Никого. Конечно. Мать всегда говорила, что у него слишком сильное воображение.

Просто иди, Кип. У тебя есть цель. Звери куда больше боятся тебя, и все такое. Кроме того, с воем всегда такая штука — кажется ближе, чем на самом деле. Эти волки, наверное, в нескольких лигах отсюда.

До Войны Призм это была отличная пахотная земля. Прямо рядом с Бурой рекой, годная для инжира, винограда, персиков, ежевики, спаржи — тут все росло. И с момента последней битвы прошло уже шестнадцать лет — она была за год до рождения Кипа. Но равнина до сих пор оставалась развороченной. Несколько горелых остовов старых домов и сараев торчали из грязи. Глубокие борозды и рытвины от пушечных ядер. Заполненные клубящимся туманом, сейчас эти воронки казались озерами, туннелями, ловушками. Бездонными. Неизмеримыми.

Большая часть магии, использованной в той битве, со временем выцвела под солнцем, но тут и там по-прежнему поблескивали сломанные зеленые люксиновые копья. Твердые желтые осколки кололи ступни сквозь крепкую кожу подметки.

Мародеры давно ушли, забрав с поля боя все самое ценное — оружие, кольчуги и люксин, но с каждым годом дожди вымывали новые сокровища. На это и надеялся Кип, и то, что он искал, было лучше всего видно в первых лучах рассвета.

Волки перестали выть. Нет ничего хуже, чем слушать эти зловещие звуки, но по ним хотя бы можно было понять, где сей-

ЧЕРНАЯ ПРИЗМА

час эти твари. Теперь же... Кип слотнул комок, подступивший к горлу.

Проходя по долине тени между двумя неестественного происхождения холмами — остатками двух огромных погребальных костров, на которых сожгли десятки тысяч трупов, — Кип заметил что-то в тумане. Сердце подпрыгнуло и забилось в глотке. Изгиб кольчужного капюшона. Блеск глаз, рышущих в темноте. Затем все поглотил наползающий туман.

Призрак. Благой Оролам. Какой-то дух стоит на страже у своей могилы. Но есть и светлая сторона. Может, волки боятся призраков. Кип понял, что стоит, вглядываясь во тьму.

Двигайся, болван.

Он двинулся вперед, низко пригибаясь. Может, он и рослый, но он гордился тем, что ходит бесшумно. От оторвал взгляд от холма — по-прежнему ни следа призрака или человека, или чего там еще. Снова возникло чувство, что за ним следят. Он оглянулся. Ничего.

Легкий щелчок, словно кто-то уронил маленький камешек. И что-то такое на границе зрения. Кип посмотрел вверх, на холм. Щелчок, искра, удар кремня по стали.

В мгновенной вспышке в тумане Кип успел кое-что увидеть. Это был не призрак — солдат пытался выбить искру, чтобы зажечь фитиль. Тот занялся, отбрасывая красный отблеск на лицо солдата, от чего его глаза словно вспыхнули. Он закрепил фитиль в зажиме мушкета и стал поворачиваться, ища во тьме цель.

Его ночное зрение наверняка было нарушено тем, что он короткое время смотрел на фитиль, который теперь был дымящимся красным угольком, поскольку взгляд его прошел мимо Кипа.

Солдат снова обернулся, резко, испуганно.

— Ну и какого хрена я тут увижу? Клятые волки.

Очень-очень осторожно Кип начал уходить. Ему придется зайти глубже в туман и мрак прежде, чем солдат снова начнет видеть в сумерках, но если он наделает шума, тот может начать палить вслепую. Кип шел на цыпочках, молча, спина зудела в ожидании свинцовой

пули в любой момент. Но все получилось. Сто шагов, и никто не окликнул его. Ни единый выстрел не разорвал ночи. Дальше. Еще двести шагов, и он увидел слева от себя свет. Костер. Он горел так слабо, что представлял собой сейчас почти что угли. Кип попытался не смотреть прямо на него, чтобы не повредить ночному зрению. Рядом не было ни палатки, ни спальных одеял, только костер.

Кип попробовал повторить трюк мастера Данависа, чтобы видеть в темноте. Он расслабил фокус и попытался смотреть периферийным зрением. Ничего особенного, кроме, возможно, какой-то неровности. Он подошел ближе.

На холодной земле лежали двое. Один был солдатом. Кип не раз видел свою мать в бессознательном состоянии, так что сразу понял, что этот мертв. Он как-то неестественно раскинулся, без одеял, рот его был вяло раззявлен, глаза немигающе пялились в ночь. Рядом с солдатом лежал еще один человек, в цепях, но живой. Лежал он на боку, руки его были скованы за спиной, на голову падет черный мешок, крепко завязанный вокруг шеи.

Этот мужчина был жив, он дрожал. Не плакал. Кип огляделся — никого.

— Почему тебе просто не покончить с этим, будь ты проклят? — сказал пленник.

Кип застыл. Он-то думал, что подошел неслышно.

— Трус, — продолжал мужчина. — Просто приказ выполняешь, да? Оролам уничтожит вас за то, что вы хотите сделать с этим городком.

Кип понятия не имел, о чем это он.

Возможно, его молчание говорило за него.

— Ты не из них. — В голосе пленника послышалась надежда. — Прошу, помоги мне!

Кип шагнул вперед. Этот человек страдает. Затем он остановился. Посмотрел на мертвого солдата. Рубашка на его груди промокла от крови. Это пленник его убил? Как?

— Прошу, оставь меня в кандалах, если что. Но не дай мне умереть во тьме.

ЧЕРНАЯ ПРИЗМА

Кип стоял на месте, хотя понимал, что это жестоко.

— Это ты его убил?

— Меня должны были казнить на заре. Я сбежал. Он охотился за мной и надел мне мешок на голову прежде, чем умер. Если рассвет близко, в любой момент придет смена.

Кип по-прежнему не понимал. Никто в Ректоне не доверял проходившим солдатам, а алькадеса сказала, чтобы городская молодежь пока обходила солдат стороной — сдается, новый сатрап Гарадул объявил себя независимым от Хромерии. Теперь он стал королем Гарадулом, как он сказал, но требовал рекрутов как прежде. Алькадеса сказала его представителю, что если он больше не сатрап, то у него нет права на рекрутов. Кем бы ни был Гарадул, королем или сатрапом, он не обрадовался, но Ректон был слишком маленьким, чтобы возиться с ним. И все же лучше держаться подальше от солдат, пока все это не уляжется. С другой стороны, то, что Ректон сейчас не соглашался с правом сатрапа, не делало этого человека другом Кипа.

— Так ты преступник? — спросил Кип.

— Как шесть теней в Солнцедень, — ответил человек. Надежда уходила из его голоса. — Послушай, мальчик — ты ведь мальчик, судя по голосу? Я сегодня намерен умереть. Я не могу уйти. Честно говоря, и не хочу. Я набегался. На сей раз я буду драться.

— Я не понимаю.

— Поймешь. Сними мешок.

Хотя Кипа и терзали смутные сомнения, он развязал узел на шее мужчины и снял мешок. Сначала Кип не понимал, о чем говорил пленник. Он сел, по-прежнему с руками за спиной. Ему было лет тридцать, тиреец, как и Кип, но более хрупкого сложения, с волосами скорее волнистыми, чем курчавыми, с тонкими мускулистыми руками и ногами. И тут Кип увидел его глаза.

Женщины и мужчины, способные обуздывать свет и делать люксин — извлекатели, — всегда имели необычные глаза. Небольшой остаток того цвета, который они извлекали из света, накапливался

в их глазах. В течение их жизни он окрашивал всю радужку в красный, синий или какой еще цвет.

Пленник был зеленым извлекателем — или когда-то был. Радужка его глаз представляла собой не ровный ореол, а была потрескавшейся, как брошенная на пол тарелка. Маленькие зеленые фрагменты полыхали даже в его белках. Кип ахнул и попятился.

— Прощу тебя! — взмолился мужчина. — Пожалуйста, безумие мной не овладело, я не причиню тебе зла.

— Ты цветодей!

— И теперь ты знаешь, почему я бежал из Хромерии, — ответил тот.

Потому, что Хромерия поступала с цветодеями как крестьянин с любимой взбесившейся собакой.

Кип уже был готов бежать, но мужчина не делал никаких угрожающих движений. К тому же было еще темно. Даже цветовикам нужен свет, чтобы извлекать. Однако туман начинал светлеть, тьма на горизонте серела. Безумие говорить с безумным, но, может, стоило попытаться. Хотя бы до рассвета.

Цветодей странно посмотрел на Кипа.

— Синие глаза. — Он рассмеялся.

Кип нахмурился. Он ненавидел свои синие глаза. Одно дело, когда у чужестранца вроде мастера Данависа глаза синие. Они ему шли.

Кип чувствовал себя по-дурачки.

— Как тебя зовут? — спросил цветодей.

Кип сглотнул, подумав, что, наверное, лучше убежать.

— О, ради Оролама, ты думаешь, что я зачарую тебя по имени? Ну и замшелый же у вас медвежий угол. Хроматургия работает не так...

— Кип.

Цветовик усмехнулся:

— Кип. Что же, Кип, ты когда-нибудь задумывался, почему ты ведешь такую жалкую жизнь? У тебя никогда не возникало ощущения, что ты особенный?

Кип ничего не сказал. Да и да.

ЧЕРНАЯ ПРИЗМА

— Ты знаешь, почему у тебя ощущение, что ты предназначен для чего-то большего?

— Почему? — тихо, с надеждой спросил Кип.

— Потому, что ты заносчивый маленький засранец, — рассмеялся цветодей.

Кип не должен был дать застать себя врасплох. Мать его и не такое говорила. И все же он на мгновение растерялся. Небольшой промах.

— Гори в аду, трус, — сказал он. — Ты даже сбежать не сумел. Тебя сцапали железноногие солдаты.

Цветодей рассмеялся громче:

— Да нет, не поймали. Они меня завербовали.

Кто будет вербовать чокнутого?

— Они не знали, что ты...

— Знали.

Страх свинцом свернулся в желудке Кипа.

— Ты что-то говорил про мой город. Раньше. Что они хотят сделать?

— Знаешь, у Оролама хорошее чувство юмора. До сих пор я этого не понимал. Ты ведь сирота?

— Нет. У меня мама есть, — сказал Кип. И тут же пожалел, что сказал это цветодею.

— Ты поверил бы мне, если бы я сказал, что есть пророчество о тебе?

— Это было бы не смешно, — сказал Кип. — Что случится с моим городом?

Разгорался рассвет, и Кип не собирался мешкать здесь. Тут не только смена караула придет, да еще и неизвестно, что сделает цветодей, как только рассветет.

— Знаешь, — сказал цветодей, — а я здесь из-за тебя. Не здесь здесь. Не в смысле «почему я существую». Не в Тирее. В цепях.

— Что? — спросил Кип.

— В безумии есть сила, Кип. Конечно... — Он осекся, рассмеявшись какой-то мысли. Пришел в себя. — Послушай. У солдата

есть ключ в нагрудном кармане. Я не мог его достать, когда, — он тряхнул скованными за спиной руками.

— И зачем мне тебе помогать? — спросил Кип.

— Ради ответов на несколько прямых вопросов перед рассветом. Безумно и хитро. Безупречно.

— Сначала ответь на один, — сказал Кип.

— Валяй.

— Что готовят для Ректона?

— Огонь.

— Что? — спросил Кип.

— Прости, но ты сказал — один ответ.

— Это не ответ!

— Они намерены стереть с лица земли ваш городишко. В качестве примера, чтобы никто не смел отказывать королю Гарадулу. Другие деревни, конечно, тоже отказали ему. Его мятеж против Хромерии нигде не популярен. На каждый город, сожженный ради мести Призме, найдется другой, который в войну ввязываться не желает. Твоя деревня выбрана специально. В любом случае у меня случился проблеск сознания, и я воспротивился. Пошла ругань. Я двинул по морде командиру. Это не то чтобы моя вина. Они знают, что мы, зеленые, плюем на правила и иерархию. Особенно когда ореол прорван. — Цветодей пожал плечами: — Ладно. Мне кажется, что этот ответ стоит ключа?

Информации было слишком много, чтобы переварить ее сразу — рваный ореол? — но ответ был прямой. Кип подошел к мертвому. В разгорающемся рассвете кожа его была бледной. Сообрайай, Кип. Задай нужный вопрос.

Кип понимал, что начинает светать. Из ночи выступали фантастические образы. Гигантские двойные холмы Расколотой Скалы казались просто местом, где что-то заслоняло звезды.

Что мне нужно спросить?

Он медлил, не желая трогать труп. Встал на колени.

— Почему мой город? — Он пошарил в карманах покойника, стараясь не коснуться кожи. Там было два ключа.

ЧЕРНАЯ ПРИЗМА

— Они считают, что у вас есть нечто, принадлежащее королю. Не знаю, что именно. Я всего лишь подслушал.

— Да что в Ректоне может быть такого, чего хочет король? — спросил Кип.

— Не в Ректоне. В тебе.

Кип осознавал целую секунду. Он ткнул себя в грудь.

— Во мне? Лично во мне? Да у меня и нет ничего!

Цветодей безумно ослабился, но Кип подумал, что он только для виду.

— Тогда это трагическая ошибка. Ошибка их, трагедия ваша.

— Думаешь, я вру? — сказал Кип. — Ходил бы я сюда собирать люксин, будь у меня выбор?

— Да мне вообще-то все равно. Так ты принесешь ключ или мне действительно очень попросить?

Кип знал, что принести ключи было ошибкой. Цветодей был не в себе. Он был опасен. Сам признался. Но он сдержал слово. Как теперь Кип мог поступить иначе?

Кип расстегнул наручники, затем замок на кандалах. Он осторожно попятился, как от дикого зверя.

Цветодей сделал вид, будто не заметил, растирая запястья и потягиваясь. Он подобрался к охраннику и снова порывлся в его карманах. Его рука выудила зеленые очки с одной треснутой линзой.

— Ты мог бы пойти со мной, — сказал Кип. — Если все, что ты сказал, правда...

— Как думаешь, насколько близко я успею подойти к твоему городу, прежде чем меня догонят с мушкетом? Кроме того, как только встанет солнце... Я готов. — Цветодей глубоко вздохнул, глядя на горизонт. — Скажи мне, Кип, если бы ты делал всю жизнь только плохое, но умер, делая хорошее дело, это искупило бы все плохое?

— Нет, — честно ответил Кип прежде, чем успел спохватиться.

— Вот и я так считаю.

— Но это лучше, чем ничего, — сказал Кип. — Оролам милосерден.